

СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА, ТЕКСТ

УДК 81.362

**ДИСКУРСИВНО-РЕЛЯЦИОННЫЕ ФОРМАНТЫ
КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ***Н.А. Андрамонова***Аннотация**

В статье рассматривается функционально-семантический статус служебных слово-союзов и выявляются тенденции их использования в языке современных печатных СМИ с учётом пунктуационной составляющей и внутритекстового дистанцирования. На основе комплексного анализа функционирования системы сочинительных и подчинительных средств связи установлен их антропоцентрический экспрессивно-модусный потенциал, в диалогических жанрах показаны прагматические смыслы рассматриваемых формантов.

Ключевые слова: дискурсивные слова, актуализация, экспрессивация, риторизация, медиатекст.

Класс сочинительных и подчинительных союзов предназначен для выражения реляционных значений в системе соответствующих синтаксических единиц. Однако в лингвистической литературе было замечено и расширение их функций в сторону присоединения [1, с. 23–24; 2, с. 709–716], а также парцелляции [3, 4].

Современный этап функционирования русского языка свидетельствует об увеличении модусно-экспрессивной нагруженности союзов, связанной не только с автономной их подачей, маркируемой знаком «точка», но и с акцентированием при употреблении многоточия, реже тире и восклицательного знака.

Это говорит о том, что обнаруживается их выход в антропоцентрическое пространство дискурса, рассчитанное на напряжение чувств, что позволяет приравнять союзы к дискурсивным единицам, «которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего» [5, с. 7]. Они «управляют процессом общения» [5, с. 7], «заливают глубоко выразительным смыслом те отверстия, которые образуются между отдельными изолированными словами, обеспечивая “непрерывную линию речевого развития”» [6, с. 142].

Наряду с частицами и модально-адвербиальными словами характер дискурсивных единиц получают прежде всего сочинительные союзы, закреплённые за однородными рядами и сложносочинёнными предложениями, при этом приоритетность в аспекте их коннотативно-текстового наполнения приобретают

те из них, которые охватываются семантикой аналогичности/неаналогичности, нормативности/ненормативности.

Соединительные отношения традиционно осмысливались как асемантические, однако уже В.И. Далем показано, что союз *и* наделён целым рядом значений и в случаях экспрессивной разговорной речи сближается с частицей *даже* и междометием [7, с. 5]. В «Словаре современного русского литературного языка» помимо чисто конъюнктивной семантики союза *и* представлены следующие значения: одновременности, последовательности, причинно-следственное, условно-следственное, сопоставительно-противительное и результативное [8, т. 5, с. 5–9].

При этом нельзя не согласиться с мнением В.З. Санникова, что названные значения, исключая причинно-следственное, во многом передаются за счёт лексического наполнения, интонации, порядка слов, морфологических характеристик как составляющих высказывания [9, с. 285]. Н.Н. Холодов, посвятивший союзу *и* отдельную монографию, полагает, что данный союз «семантически заряжен» значениями тождества, сходства, аналогичности [10, с. 59]. Более того, он считает, что «самый загруженный, самый виртуозный и многопрофильный союз – *и!*» [10, с. 64].

Материал современных печатных СМИ подкрепляет эту точку зрения, поскольку союз *и* демонстрирует в них свою многозначность, позиционную динамику и экспрессивную нагруженность, чему способствуют и пунктуационные сдвиги. Помимо устоявшегося нахождения *и* после точки как знака присоединения и парцелляции активно входит в оборот его выделение за счёт многоточия и восклицательного знака.

Показательно, что в художественной речи явление присоединения связано с творчеством А.С. Пушкина, поразившего современников новой логикой синтаксических связей [11, с. 577]. Любопытно также, что при определении знака многоточия как предназначенного «для обозначения незаконченности или перерыва в высказывании, вызванного волнением говорящего или неожиданным переходом к другой мысли, а также для обозначения паузы, подчёркивающей следующий за ней текст», в качестве иллюстрации приводится пушкинский пример: *Не получая ответа, Дуня подняла голову ...и с криком упала на ковёр* [12, с. 145].

Ритмико-мелодическая специфика соответствующих высказываний была подчёркнута А.М. Пешковским, выделившим «сочинение после разделительной паузы», а также «подчинение после разделительной паузы» [13, с. 424, 443]. Высказывания «со смещённым членением» и роль пунктуации при этом получили освещение в работах Ю.В. Ванникова [4, с. 5–7], ориентирующегося на художественную речь. Тем не менее данное явление получило распространение и в публицистической речи, в том числе в языке современных газет, нацеленных на совмещение информационных и экспрессивных функций при значительном усилении последних. При этом важно учитывать не только значимость пунктуации, но и структурирование медиатекстов при большей позиционной подвижности знаков препинания в пределах строк, абзацев и даже контактно не расположенных фрагментов.

Союз *и* как широко употребительный в пространстве медиатекста при выполнении связующей роли обрастает дополнительными функциями, выходя в сферу коннотативности и риторичности. Это осуществляется за счёт нарушения ожиданий сходства, тождества и перекрытия этих значений семантикой соединительного несоответствия, неожиданности, внезапности при их большей или меньшей актуализации. Акцентирование модусно-экспрессивных смыслов дифференцируется по линии структурирования и синтаксического профиля медиадискурса.

Оно наблюдается в рамках одного предложения при двояком расположении многоточия – перед союзом *и* и после него, ср.: *В этот раз решили позвать более форматную для фестиваля команду «Ногу свело»... и Валерия Леонтьева (I); На финишную прямую гонки вышли два десятка кандидатов и... тысячи вооружённых до зубов бойцов, посланных Киевом усмирять непокорный юго-восток страны (II); Мастер журнальной полемики, историк литературы и русского быта, переводчик-мемуарист, советник и собеседник двух русских царей. Блестящий светский лев, остроумец и сердцеяд... и одна из самых драматических судеб за всю историю русской литературы (III).*

В этих высказываниях синтаксическая однородность вступает в противоречие с содержательно-лексической. Интересно, что в рамках контактных высказываний возможно неодинаковое положение многоточия, что семантически неоднозначно: *Но они [китайцы] вытерпели, извлекли опыт из наших ошибок... И посмотрите на них теперь. <...> Мы позволили себя в этом убедить, не захотели терпеть, разрушили страну и... проиграли! (IV).* Возрастание экспрессивности имеет место при выносе союза *и* в последующее предложение и помещении его после точки: *Это заявление не помешало Муравьёвой подать документы сразу в три театральных училища. И... ни в одно из них не пройти по конкурсу (V).*

И наконец, союз *и* подаётся в форме отдельной синтагмы, где его маркировка даётся с помощью многоточия или восклицательного знака: *Корону за полмиллиона долларов надела 25-летняя Мария Габриэла Ислер. И... Тут же чуть не уронила бриллиантовый убор на пол – в последний момент подхватила (VI).*

При этом имеет место расположение актуализированного высказывания на последующей строке:

В имени он [Тютчев] долго объясняет повару, как этот кофе варить. Утром садится к столу – и...

Ну конечно! Кофе сварен не так, а из Петербурга какой-то разгильдяй отправил ему не тот пакет с прессой – и все газеты изрезаны (VII).

Семантика неожиданности, внезапности, усилительности, несоответствия может подчёркиваться за счёт осложнения союза соответствующими модификаторами (*вдруг, тотчас, тут же, даже* и т. п.): *...разбираться с этим приезжает капитан КГБ Иван Митин и... тотчас влюбляется. В ту же женщину, в которую уже отчаянно влюблён главный местный милиционер (VIII); Много раньше, когда аналогичные документы <...> были, согласно законодательству, переданы в Генпрокуратуру, там долго ничего не замечали. И вдруг – самое пристальное внимание, то ли от обиды за свою судьбу, то ли за судьбу благодетеля (IX).*

Таким образом, семантический диапазон союза *и*, ориентирующий на модусно-экспрессивный план, сводится к значениям неожиданности, внезапности, удивления, несоответствия, усилительности. Заметим при этом, что только в некоторых случаях союз *и* сближается с союзом *но*, передавая полное несоответствие и получая характер оксюморона: *А Матвеев с Шагиным торчат на экране чуть не часами – и смотреть не на что* (X).

Хотя у союза *и*, получившего пунктуационную актуализацию, прослеживается тенденция движения в сторону неаналогичности, тем не менее он не становится адекватным союзу *но*, который не в меньшей (а скорее в большей) степени востребован в пространстве СМИ. Данный союз также сопровождается многоточием и нередко восклицательным знаком, а его позиционные возможности более разнообразны, что проявляется в расположении между строками, абзацами, в повторении союза и его ассоциативном и семантическом поле, вербальном или имплицитном. Предваряя рассмотрение союза *но*, заметим, что мы считаем адекватным интерпретировать его содержание через понятие «несоответствие норме» [9, с. 296] при акцентировании дискурсивных наращений.

Если союз *и* нередко актуализирует один из однородных членов в составе фразы (как правило, заключительный), то для союза *но* менее характерно внутрифразовое положение в однородных рядах, так как однородность не подкрепляется семантикой, однако случаи нахождения *но* внутри ряда возможны и они наиболее соответствуют выходу в риторическое пространство: *Я ехал ради сатисфакции, но... увидел её и растаял* (XI).

Союз *но* чаще оказывается синтагматически выделенным при положении его между высказываниями, в том числе находящимися в разных строках:

- *Живу я там же, фамилия у меня та же, но... был я советский гражданин, стал – российский... А теперь еще и – москаль* (XII);

- *Мы проводим там поэтические вечера, вечера памяти артистов и поэтов. Люди тянутся к этому. Но!.. Я худрук этого дома, что могу, то и вкладываю в него. А по уставу мне положено дать прибыль государству 500 тыс. рублей в год. На чём?!* (XIII);

- *Казалось бы, настроение тоже должно быть солнечным, но... Тонус нулевой, депрессия, апатия – кому не знакомы эти признаки весенней хандры?* (XIV);

- *...Решительно все поклонники знаменитого режиссёра предрекали картине кассовый провал. Но...*

Но Митта всегда отличался чутьём на зрителя и попадал в нерв, обозначая тенденции задолго до того, как о них догадывалось большинство (XV).

Союз *но* получает особую значимость и экспрессивную окрашенность при сопровождении его восклицательным знаком как показателем высшей степени контрастности предшествующей и последующей информации, её эмоциональной насыщенности: *По идее, в такой ситуации сотрудник ГИБДД должен сесть в свою машину, включив все сигналы, помочь «скорой» добраться до больницы и только потом выяснять законность действий водителя «скорой». Или остановить всё движение и тем самым расчистить больному путь к спасению – чтобы не рисковали жизнью ни водитель «скорой», ни другие автомобилисты на его пути. Но! Сотрудник ГИБДД отогнал машину на штрафстоянку, заявив, что за больным пусть приедет другая!* (XVI).

Актуализированное *но*, его значимость и содержательная наполненность могут получить комментирование авторов статей, репортажей: *Я осторожно отвечаю, что меня интересует, чего хотят сами крымчане. – «Это правильно», – соглашается хозяйка. И, внезапно пригорюнившись, выдаёт: «Мы не против Украины. Но...» Эту фразу я потом услышу много раз – «Мы не против Украины». И потом большое «но». Временами просто огромное. В случае хозяйки «но» включало и теснейшие родственные связи с Россией, и стремление в Россию крымской молодежи, и тяжкий опыт знакомства со Львовом (XVII). Иногда это проявляется в ответах опрашиваемых, например одного из двух оставшихся жителей деревни Счастливое: *Женился по любви, двоих сыновей родил. Правда, и жены, и старшего нет уже, но... Но вот смотри, живу зато как барин в родовом поместье. Я тут родился, тут и помру, а дому, на минуточку, 110 лет!* (XVIII).*

Подобные контексты свидетельствуют о большом ассоциативном потенциале союза, о том противовесе, который носит сокровенный характер и соответствует ценностным установкам индивидуума. В них раскрывается внутренняя форма дискурсивного слова как фактора организации актуального значения [14, с. 151], семантического шлейфа, обогащающего высказывание.

Обобщая, можно констатировать наличие следующих семантических зон, реализуемых в конструкциях с союзом *но*. Это значения ассоциативного контраста, ценностной компенсации, мотивируемого препятствия, ненормативного следствия (результата), стимулируемые ориентацией союза *но* на отступления от общепринятых норм, установленных социумом, нормального хода событий. Предельная противопоставленность компонентов высказывания способствует когнитивному диссонансу и экспрессивной концентрации высказывания.

Наряду с союзом *но* в текстах массмедиа экспрессивную нагрузку может брать на себя и союз *а* (*не... а...*): *Хозяин уже был готов уступить, но в один прекрасный день решил не продавать дом, а... подарить. Тем, кому он действительно нужен (XIX); Словом, получилось, как у Салтыкова-Щедрина в сказке «Медведь на воеводстве»: думал назначенный на воеводство медведь блеском кровопролития врагов усмирить, а... съел чижика! (XX); Посадить промышленные сады, которые заплодоносят не раньше, чем через 5 лет... а уж потом думать, как наладить логистику (XXI). Эффект диссонанса создаётся и за счёт лексического наполнения данных микротекстов, реализующих значение несистемной ассоциативной антонимии.*

Реляционные единицы, реализующие подчинительную связь, в большей степени получают автономность и модусно-экспрессивную выделенность в рамках парцеллированной подачи, пунктуационно представленной точкой [15]. Данный процесс носит нарастающий характер, охватывая собой не только сложноподчинённые предложения расчленённой структуры, но и те, которые относятся к нерасчленённым и вводятся, наряду с союзами, относительными словами: *...нам надо всё сначала разрушить, а потом строить новую жизнь и писать новую историю. Какая нам удобна (XXII); Не женщина любимая рядом, не верный друг, с которым можно поговорить по душам, – чужой человек! При котором не то что говорить – думать откровенно нельзя! (XXIII) (повышенная экспрессивация высказывания способствует замене точки восклицательным знаком);*

...лишь 10% всего объёма аптечных настоек на спирту используется в лечебных целях. Остальные россияне предпочитают «принимать на грудь». **Что**, впрочем, немудрено: и производить, и покупать такой «алкоголь» в стране сегодня крайне просто и дешево (XXIV).

Риторизация на основе подчинительной связи, осуществляемой с помощью подчинительных союзов, может проявляться в приёме нагнетания однородных придаточных за счёт их парцелированной подачи, маркируемой знаком «точка»: *И вот что удивительно: восхваляя «царивший при Сталине порядок и патриотизм», бывшая колхозница в том же письме с болью вспоминает, что её дед был раскулачен и сослан в Воркутинский лагерь. **Что** при коллективизации у семьи отобрали двух коров и лошадей. **Что** муж не вернулся с фронта. **И что** сама она всю жизнь работала дояркой, получая вместо денег «галочки для трудодней»* (XXV).

Тем не менее подчинительные форманты также вовлекаются в процесс актуализации последующей информации за счёт приостановки высказывания, паузы, маркируемой многоточием. Наиболее частотным в этой функции является изъяснительный союз *что*: *А через месяц мне объявили, **что...** Костюшкин хочет меня уволить* (XI); *Когда собрали 80 млн гривен, пресс-секретарь Минобороны Богдан Сеньк объявил, **что...** использовать их пока нельзя, нужно, согласно постановлению Кабмина, объединить всё на одном счёте и только потом...* (XXVI).

В состав формантов, пунктуационно выделенных многоточием, попадают и семантические союзы, прежде всего со значением обусловленности (*потому что, хотя, чтобы* и др.): *Увы, в передаче не прозвучал даже отрывок этой песни в исполнении Бернеса, **потому что...** Марк Наумович не пел «На безымянной высоте»* (XXVII); *Русские красавицы, которыми мы так привыкли гордиться, конечно, останутся. **Хотя...** В конкурсный стандарт-то они не вписываются* (XXVIII); *В двух десятках регионов 19 сентября пройдут выборы. Губернаторы там ушли в отставку. **Чтобы...** избраться заново!* (XXIX); *...в Москве (столице!) только в прошлом году раскрыто 322 убийства. А если учесть нераскрытые и по всей Руси-матушке, **то...** Ужас! Война!* (XII). В последнем примере с помощью союза *если... то...* реализуются условно-следственные отношения, при этом возможное следствие подаётся как крайне нежелательное и катастрофическое.

В фокусе акцентирования оказывается и информация, маркируемая относительными словами: *Однако всё нехорошее, что по весне случается, принято списывать на авитаминоз. **Которого...** не бывает* (XXX); *Миллионы гривен ушли на препараты для солдат, главный поставщик **которых...** снова-таки депутат ВР Владимир Дудка!* (XXVI).

Следует подчеркнуть тенденцию к актуализации вводящих заголовочного и подзаголовочного компонентов в текстах массмедиа. При этом имеют место случаи построения заголовка, нацеленного на 2 статьи и вследствие этого дистантно расчленённого. В первой части текста, занимающей 2/3 его пространства, заглавие выглядит так: *Выбор Украины: **И!** огромные очереди к урнам в Киеве...*, во второй, подвальной, многоточие сохраняется: *...**И** тревожная неяска на юго-востоке* (XXXI).

Приём акцентирования внимания представлен и в заголовках, включающих подчинительные союзы и союзные слова. Так, во вводке к статье «Два памятника при жизни» изъяснительную функцию союза *что* реализует весь последующий текст: *Не знаете, кто такой Михаил Пуцилло? А этому человеку, между прочим, при жизни поставили памятник. И даже целых два. Не за то, что он составил первый в истории русско-корейский словарь. И не за то, что открыл неизвестную науку бабочку. А за то, что...* (XXXII). Раскрытие содержания этого компонента, выделенного и подчёркнутого за счёт союза *не... а...* и многоточия, осуществляется в рамках текста, занимающего целую страницу.

Любопытно, что наряду с подчинительными союзами экспрессивно-выделительную нагрузку в текстах СМИ получают и предлоги: *Сначала пензенский паренёк прямо с призывного пункта попал в... Президентский полк* (XXXIII); *«АиФ» пообщался с историками и даже со специалистами музея-библиотеки Симона Петлюры в... Париже (есть и такая!)* (XXXIV); *...они предложили функциональное и элементарное решение: совместить посудомойку с... духовкой, в некоторых моделях ещё и с варочной панелью* (XXXV); *Готовь сани летом, а документы по... Интернету* (XXXVI).

Некоторый рассмотренный фактический материал в большей или меньшей степени может быть осмыслен как явление языковой игры. При этом выходу высказываний в пространство языковой игры способствует «необычное заполнение валентности» [9, с. 466]: *Чтобы хоть как-то разгрузиться от политики, еду на Привоз. И попадаю в... самую политическую гуцу!* (XXXVII); *Вообще, налицо парадокс: государству предлагается убивать людей для того, чтобы доказать, что... человека убивать нельзя* (XXXVIII); *Пациент едва пришёл в себя – первый вопрос: какие новости? Услышал новости – и брык обратно в реанимацию* (XXXIX); *Ни один дорожный знак в Краснодарском крае не известен так, как указатель на хутор Весёлая жизнь со стрелкой, направленной на... кладбище* (XVIII); *Получил пособие по безработице и... сел в тюрьму* (XXXIX); *УкрТВ не развлекает, а... отвлекает?* (XL).

Итак, антропоцентрическая грамматико-пунктуационная техника связи последовательностей медиатекста служит средством акцентирования эмоционально-смысловой доминанты сообщаемого. Рассматриваемые речевые сдвиги, стимулируемые сменой сознания социума, форм коммуникации, переходом «от зрения к слуху и звуку, от разума к чувствам» [16, с. 120–121], обусловили актуализацию медиариторики, ориентированной на персуазивное воздействие [17, с. 693].

Взаимодействие логико-грамматических отношений в системе паратакиса и гипотакиса с модусно-экспрессивными смыслами составляет одну из особенностей современного медиадискурса.

Summary

N.A. Andramonova. Discursive and Relational Formants as a Means of Actualization of a Statement.

We consider the functional and semantic status of conjunctions and identify tendencies in the use of these words in contemporary print media, taking into account the punctuation component and intratextual distancing. On the basis of the comprehensive analysis of the system

of coordinating and subordinating linking words, we establish their anthropocentric expressive and modus potential and show their pragmatic meanings in dialogical genres.

Keywords: discursive words, actualization, expressive categorization, rhetorization, media-text.

Источники

- I – *Баканов К.* Музтуризм: лучшие музыкальные фестивали лета – 2014 // *Собеседник*. – 2014. – 2–8 апр.
- II – *Юрьев В.* Досрочные выборы президента Украины 25 мая 2014 года // *Аргументы и факты (АиФ)*. – 2014. – 21–27 мая.
- III – *Пятикнижие № 20 (ЖЗЛ)* // *Литературная газета (ЛГ)*. – 2014. – 21–27 мая.
- IV – *Мартевич Н.* Знамена истории: Выставка «Back in BSSR» // *ЛГ*. – 2013. – 23–29 нояб.
- V – *Оберемко В.* Ирина Муравьёва: «Я прежде всего мама, а потом уже актриса» // *АиФ*. – 2014. – 5 фев.
- VI – *Хожателева Ю.* «Вселенную» завоёвывают брюнетки // *Комсомольская правда (КП)*. – 2013. – 14–21 нояб.
- VII – *Нехамкин С.* Тайный советник. Фёдор Тютчев – генерал информационных войн // *Аргументы недели (АН)*. – 2013. – 5–11 дек.
- VIII – *Кондрашов А.* Иван Митин против врагов народа // *ЛГ*. – 2013. – 23–29 нояб.
- IX – *Угланов А.* Чёрная метка президенту. Инновационная // *АН*. – 2013. – 7–13 нояб.
- X – *Москвина Т.* И вправду бесы мучают людей // *АиФ*. – 2014. – 29 марта – 4 апр.
- XI – *Шаблинская О.* Стас Костюшкин: «Прагматизм заканчивается тогда, когда приходит любовь» // *АиФ*. – 2014. – 26 марта – 1 апр.
- XII – *Коклюшкин В.* Эх, жизнь! // *АиФ*. – 2014. – 2–8 июня.
- XIII – *Шигарева Ю.* Андрей Дементьев: «Культура брошена на добрые и нежные руки энтузиастов» // *АиФ*. – 2014. – 22 янв.
- XIV – *Мельников А.* Как избежать депрессии в весенний период // *АиФ*. – 2014. – 19–24 марта.
- XV – *Жарова В.* Драма «Шагал. Малевич» – кровавая история и победа режиссёра // *Собеседник*. – 2014. – 2–8 апр.
- XVI – *Кому «кислород» здравого смысла?* // *АиФ*. – 2014. – 21–27 мая.
- XVII – *Шабаева Т.* Долгая дорога домой // *ЛГ*. – 2014. – 12–18 марта.
- XVIII – *Голубь Ю.* От Весёлой Жизни до Бабёнок. Как живут люди в сёлах со смешными названиями // *АиФ*. – 2014. – 14–20 мая.
- XIX – *Пустовойтов С.* Доброе дело – тяжелее бизнеса. Кто и как мешает бизнесмену сделать роскошный подарок детям // *Собеседник*. – 2014. – 2–8 апр.
- XX – *Костиков В.* Как Запад чижика съел. Кто перешёл «красную линию» на Украине? // *АиФ*. – 2014. – 26 марта – 1 апр.
- XXI – *Туманов А.* Самым патриотичным для России будет поучиться опыту Израйля // *Собеседник*. – 2014. – 2–8 апр.
- XXII – *Кузнецова Т.* Нина Вашкау: в письмах немцев из Сталинграда есть страх, но нет раскаяния // *АиФ*. – 2014. – 7–13 мая.
- XXIII – *Коклюшкин В.* Дивись! // *АиФ*. – 2014. – 7–13 мая.
- XXIV – *Аликина Е.* Минфин против валерьянки. Из российских аптек могут исчезнуть лекарства на спирту // *АиФ*. – 2014. – 29 мая – 4 июня.

- XXV – *Костиков В.* Всё для победы... Какой патриотизм нужен России? // *АиФ.* – 2014. – 21–27 мая.
- XXVI – *Ульянова А.* Кровь – выгодный товар. Кто наживается на гражданской войне на Украине // *АиФ.* – 2014. – 4–10 июня.
- XXVII – *Тростин Е.* Обмишурились? // *ЛГ.* – 2013. – 23–29 нояб.
- XXVIII – Мисс Дикое поле // *ЛГ.* – 2013. – 23–29 нояб.
- XXIX – *Барова Е.* Почему губернаторы спешат переизбраться? // *АиФ.* – 2014. – 11–17 июня.
- XXX – Почему авитаминоза не бывает, или Как сохранить здоровье и бодрость весной // *Собеседник.* – 2014. – 20 апр.
- XXXI – *Нехамкин С.* Два памятника при жизни. К 125-летию со дня смерти Михаила Пуцилло // *АиФ.* – 2014. – 29 мая – 4 июня.
- XXXII – Счастливое место службы // *КП.* – 2014. – 25 марта.
- XXXIII – *Зайченко М.* Петля на шее Украины. Истинное лицо кумира майдана Симона Петлюры // *АиФ.* – 2014. – 26 марта – 1 апр.
- XXXIV – Посудомойка + духовка в одном шкафу // *АиФ.* – 2014. – 19–25 марта.
- XXXV – *Гончарова Ю.* Готовь сани летом, а документы по... Интернету // *Моск. комсомолец.* – 2012. – 21 марта.
- XXXVI – *Костенко-Попова О.* «Живём в беспределе». Как Одесса со слезами выбирала президента // *АиФ.* – 2014. – 21–27 мая.
- XXXVII – *Осинов С.* Топор под лавкой. Надо ли возвращать в России смертную казнь? // *АиФ.* – 2014. – 14–20 мая.
- XXXVIII – *Дубов А.* Крым и Россия: первая любовь после второго развода // *Собеседник.* – 2014. – 2–8 апр.
- XXXIX – *Довлатов И.* Получил пособие по безработице и... сел в тюрьму // *КП.* – 2014. – 26 нояб. – 3 дек.
- XL – *Ульянова А.* Враньё по-украински. Как киевские СМИ ведут свою войну против России // *АиФ.* – 2014. – 11–17 мая.

Литература

1. *Щерба Л.В.* О частях речи в русском языке // *Русская речь.* Новая сер. – Л.: Academia, 1928. – Вып. 2. – С. 5–27.
2. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.-Л.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.
3. *Иванчикова Е.А.* Парцелляция, её коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции // *Морфология и синтаксис современного русского литературного языка.* – М.: Наука, 1968. – С. 277–302.
4. *Ванников Ю.В.* Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. – М.: Рус. яз., 1979. – 296 с.
5. *Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. – М.: Помовский и партнёры, 1993. – 208 с.
6. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.
7. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. – Т. 2. – 480 с.
8. *Словарь современного русского литературного языка:* в 17 т. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 5. – 1918 с.

9. *Санников В.З.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. – М.: Языки славян. культур, 2008. – 624 с.
10. *Холодов Н.Н.* За древними тайнами русского слова *и* – тайны иных масштабов. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 1991. – 118 с.
11. *Виноградов В.В.* Пушкин и русский литературный язык XIX века // Пушкин – родоначальник новой русской литературы. – М.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 543–605.
12. Русский язык. Энциклопедия. – М.: Сов. энцикл., 1979. – 432 с.
13. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Языки славян. культуры, 2001. – 544 с.
14. *Баранов А.Н.* Внутренняя форма как фактор организации значения дискурсивных слов // Труды междунар. семинара «Диалог – 98» по компьютерной лингвистике и её приложениям: в 2 т. – Казань: Хэтер, 1998. – Т. 1. – С. 150–158.
15. *Андрамонова Н.А.* Функциональный статус гипотаксиса: модусно-риторический аспект // Филология и культура. – 2012. – № 2 (28). – С. 15–18.
16. *Костомаров В.Г.* Глобализирующее влияние массмедиа на язык // Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ (Варна, 17–23 сент. 2007 г.). – Sofia: Heron Press, 2007. – Т. 1. – С. 120–123.
17. *Анненкова И.В.* Медиариторика: новая жизнь старых категорий // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы Междунар. конгресса исследователей русского языка (18–21 марта 2014 г.). – М.: Моск. гос. ун-т, 2014. – С. 693–694.

Поступила в редакцию
07.08.14

Андрамонова Наталия Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: Natalia.Andramonova@kpfu.ru